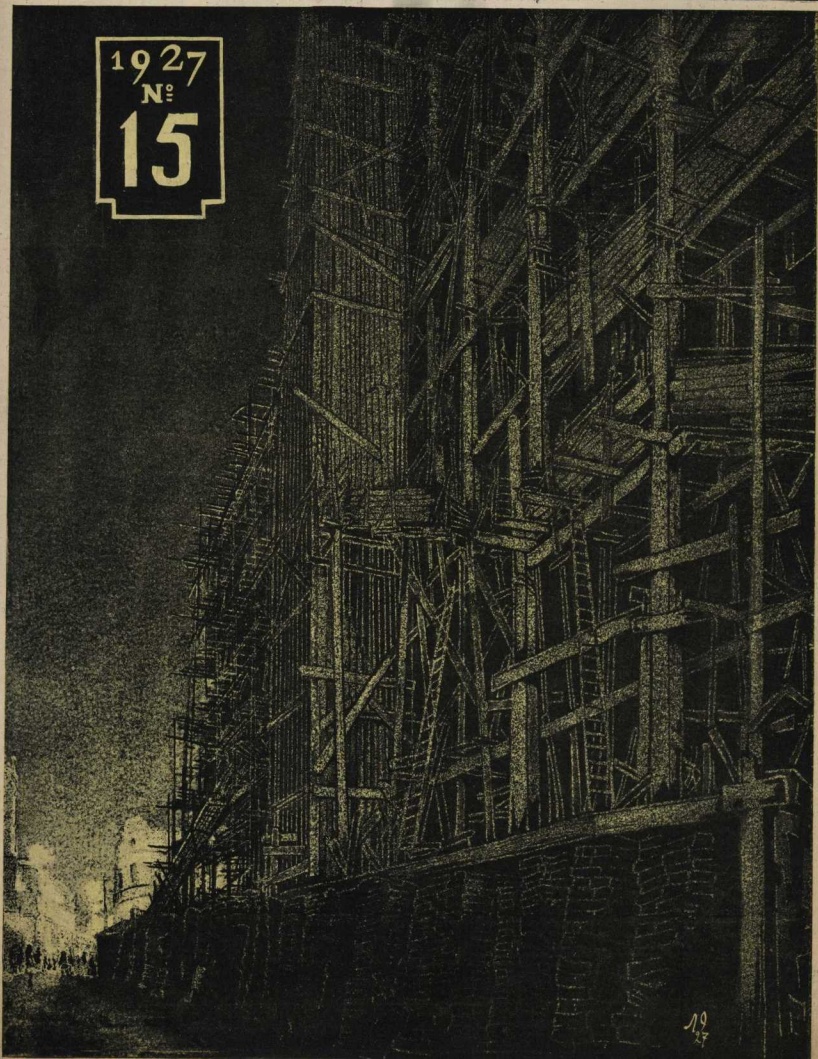

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
№
15

„СМЕНА ОТВЕЧАЕТ“ КРАСИВОЙ ДЕВУШКЕ

Мухину (Ейбок). Откуда у вас такое институтское „отро и стило“? Вам бы уки и темь брать соответственно „цо цвешах“, „о луных ночах“ и пр. Право же смешно, когда у вас лежурный комсомолец каждому уходящему „ведет“ смотрит с тоской и даже, полметая пол, „мурлыкает тихо романы“.

Анатолий Рэк (без адреса). Ваше стихотворение „О градусном сплюском высокорому. Вы стали на ходули, нам не видно нашего лица. Слупитесь—ка к нам и поговорите с нами не о туманном градусном, а о чем-нибудь более понятном и простым человеческим языком. А то вы ведь всю куду загибаете: „Ореол лунчарный над миром...“ и проч., такое. Куряпио (Харьков). Ваш очерк „Казаари—лятяндава“, двадцать строк—несмотря на еще совсем сырые выражения (грызение жрековым зубами сахара и криплене носовы сотноко), все же заимпрессионально. Есть хорошие образы. Чувствуется хороший глаз—уменье выбрать нужное из многих неумажностей. Начинаяшему это всегда бывает очень трудно. Довольно адекватная в словесном материале и четкая по мысли фраза. Это тоже большое достоинство для начинающего. Прислите же что-нибудь.

Жданову (Вичуга). И что за несчастье—каждый турнуется под Есенина: „Стал я задирать хулиганства“. Так мы вам и поверили: смиренный, вы человек, вас won даже ветер и тот обидеть может, не как прочий—

„Дует мне в лицо и спину, Радирует тело по частям.“

Асаинову (Полторацк). Ну и страшная же ваша „девушка“: „Волосы—копна ржаной соломой, Глазды полем и сохой И глаза блистают рыжью. Смотришь так и жельшь. Что глаза сейчас сполнаи Запускают, как ромь. И до мне, когда ни внику, Пробегают дропья.“

Что и говорить, нас и то в дрожки попали. Это, так сказать, описание отдельных прелестей, а вот общий облик:

„Вся она—как снол соломой, Свастем яриш.“

О ауках, говорят, не спорят. Кому нравится девушка, «как снол соломой», кому—как моча и капуста. И нам ли удивляться напряпам поэтического воображения.

Второе ваше же стихотворение „О девчонке“, но на этот раз она по-моему почти совсем без волос (очевидно силны ушки). Чтоб мы не подумали, что это описка, автор полагает об этом много раз; первый раз он и сам удивляется:

„У Хальтах на голове нет волос (Как это ни странно), У Хальтах на голове—овес, Целый овсяной тачан (мерал) И язык, полный брани овец.“

У Хальтах на голове нет волос (!!) и пр.

Ну, и чудак же вы, Асаинов. А что вам сделала луна, за что вы ее так критикуете? У вас она желтая, куряная, ослепевшая, как и всякий желтый, будто неевшая яе, несуразная, смитая в бок... недотепал... дурака.

И политически вы ее дискредитируете:

„Так пятяком ломаным, медным Шароним двуглавым орлом И вьет от этого чем-то старым, Вьез так было и встарь.“

Ну и Асаинов, он хочет на луну гадеть пионерский галстук!

Назайонову. Вот уже верно, называйте вы, как муха. До каких пор будете вы издеваться над теми теренее? Смотрите отсюда «Вчерашнее». „Танроуву—это, ведь все вам жеж. Мы же догадались, что это все—одно люка.“

Двичкову (Полторацк). „Жизнь, как она есть, или воемра—не рассказ и даже не письмо воемра: от вашего воемра слабо пахнет морем. Это просто рассуждения о любви, половом вопросе, томом быте и пр.—решь пропущены, скучные и ниванные по проповедническому претензиям. Ни сюжета, ни композиции ваша вещь не имеет. Язык нудно прозаический.“

Ольховскому (Сакара). „Трое и брьюк“, к сожалению, „Смене“ не подходит тематически. Не очень стоящий рассказ. Попробуйте из него сделать комедийский сценарий—тема очень благодатная.

Над настоящей редакцией рассказа все же советуем поработать—почистить, сократить. Одно и то же смешное положение, повторенное несколько раз, терзает всю острожность и называет пересол. Таких пересолов в вашем рассказе много, несколько расчтнуто. Нехорошо то, что вы называете свою вещь „роман“.—Присылайте что-нибудь в „Смену“ из комсомольской области, из быта работы молодежи.

Жуку (Харьков). Вы пишете „разрешите урвать минутку времени“, посылая пачечку стихов. Очень неграмотно пишете вы, тов. Жук.

„Отсюда внику я долины, Объятых (?) тенью за всегда.“

Река текет в зеленой роще... и т. д.

Трудно читать вас—ни рифмы, ни размера, а до смысла добраться еще труднее—много минуточек взяли вы на нас. Нам совсем—прежде всего—учится писать грамотно, читайте больше и сами стихи гнуть не перестанет, присылайте нам еще—наших минуток не жалейте.

Жиркову (Астрахань). Очень нехорошо поступили ваши родители:

„Под землей они сдры свои скрели, И потому я остался в виде таком.“

Основной книжкой является известная стихотворная дискуссия, начатая в „Комсомольской Правде“ и Уткнулим

Ф. Турченкову (ст. Свеженская). Для журнала „Смена“ Умилрающийся коммунар“, к сожалению, не подходит. Вещь слишком велика по объему и необработана по форме.

К. Стретенскому (Вологда). Присланный набросок написан живо и с некоторыми положительными литературными данными, но рассказанный эпизод малоинтересен сам по себе, чтобы он смог достаточно полно иллюстрировать поставленную тему.

Л. Кляну (Одесса). Как пробоное, ваше стихотворение имеет свои достоинства: ритмичность и некоторую завершенность настроения. Но много и шаблона—тяжелые и малоинтересные эпитеты, рифмы рифмы: «цепенет—наньен», «пришла—целовать», безвкусная метафора: «рубинами прижа—водой». От этих недостатков и главным образом от несколько искусственного поэтирования темы следует освободиться. Присылайте в другой раз.

И. Титову (ст. Шклов). Приходите отвечать на наш вопрос: «писать вам или нет», а наш друг: «стоит ли вам учиться? Да, вам необходимо сделаться грамотной.»

Н. Цехановичу (Ленинград). В ваших стихах вы механически сцепляете слова, они не ограничиваются нами в ритмической последовательности. Вообще наша речь очень скучна. Все это от того, что у нас крайне беден запас слов, что вами слабо усвояна ритмическая речь вообще. Вам необходима еще самая первоначальная самообразовательная работа.

Ев. Остроумову. „Мне страшно на причале Кто-то сладко перерыж.“

С этого все и началось—вся чертовщина.

„Полхвятило, понелсо“, И уж ничего не разорвать, то ли: «месяц голубую странность лет, то ли сам автор поливает чем-то

обнажал я ночным звездным дарованием.»

Лучше уж нам и не вмешиваться. Метафизика (без обозначения адреса). «...Нер! Смахнув слезы рукою тяжелою, крикнув, заплакал мужику... Противоречивость

«страми и риекованными стпана о „липовиной ладузе“, в ответ на которые были опубликованы стихи „Красивой девушке“ Жарова, а затем Бемменского. В этой книжке попытается ставить, если не разрешить, вопрос, остро интересующий комсомольскую общественность.

Потому книжка „Красивой девушке“ является интересной не только как поэтическая сборник, но и как материал общественной полемики.

Рабочей молодежи надо прочитать эту книжку. Издана она „Моладой Гвардией“ очень хорошо. И без дам стихов не стоить убиваться. А. А.

смысла: смахнув слезы и вместе с тем заплакал мужик.

Рифмы: «законченный—ходить», «спокойно—народную», «онду—к нему», иначе говоря рифмы отсутствуют. По числу завершительных блин комом. Первые стихи очень слабы, но, думаю, что, получив некоторые навыки в теории, вы будете писать лучше.

Назайонову (Рязань). Мы думаем, что писателю стихов надо отложить на некоторое время, писать его самообразованию. Такие обороты речи как: «...Голод лютый обильнаи совсем тебв...» или «Шутки нарушили поупуришай лес, свидетельствуют о плохой вашей грамотности.

ПРИСЛАННОЕ НЕ ПОДОШЛО

Льбяному (Конотоп). Гайбергер (Бутурлиновка). Весеннему (Крошпата). Грекову (Вятка). Истечскому (Серпухов). Гамескиному (пионеру). Веролопову (без адреса). Табачникову (Королев). Веттужскому (Кологрив). Б. К.—а (Москва). М. Г. (Брашлав). Береславскому (Луганск). Мятелю (Забайкальск). Власову (Никитовка). Завьяловскому (Вятка). Завьяловскому (Помошань). Игорю Весоложскому (Усть-Ижора). Бугаеву (Ахтырка). Гиневскому (Киев). Тоняцкому (Симферополь). Матвеевскому (Ленинград). Длугову (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАБ, ПОМЕСТИТЬ НЕ МОЖЕМ

Шумяцкому (Чернигов). Ковалову (Сакара). Шидяву (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хорощавину (Ирпень). Соболеву (Москва). Сидоренко (Тула). Егатову (Велец). Голубеву (Славгород). Гоголеву (Тверь речка). Баскакову (без адреса). Решетову (Орел). Асаинову (Полторацк). Соловьеву (Москва). Длуговскому (Харьков). Левину (Москва). Алеевскому (Ленинград). Мельникову (Саранск). Мельникову (Орехово). Трусову (Саратов).

СОДЕРЖАНИЕ: СПОРТ РАБОЧИХ ЗАПАДА. М. ПЛАТОШКИН — В лесу. (Рассказ). П. ЛОПАТИН — Единственный в мире. (Очерк). И. БОБРЫШЕВ — В брьсе за нового человека. В. МАЛЮГИН — Опровергнув Т-ля Калганова. П. ГУРОВ — Вноту ли я? (Исповедь выходя из жизни). Г. БЕРГМАН — Ее в губах сушь. Ф. БОРИСОВ — 200.000 вел.спидов... ГРАНДИОЗНЫЙ ВЕЛОПРОБЕТ МОСКВА—ЛЕНИНГРАД. ЛУСЬКА БОЛЬШАЯ ВЫБИРАЕТ ЖЕЛИХА—Из рассказов Юричи с Октябрьской. В. МАРКОВ—На толкени. (Очерк). А. ПАЛЕЙ — Гольфшты, оя. (Фантастич. повесть). (Продолжение).

Стихи Дж. АЛТАУЗЕНА. «Смена отвечает».

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский переулок, д. 3/4. Тел. 3-26-88

Рукопись принимается, написанная на машинке или четкой рукой на одной стороне листа

СМЕНА

ДВУХ НЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 нум.	3 руб. 60 коп.
— 6 мес. — 12 „	1 „ 90 „
— 3 „ — 6 „	1 „ —
— 1 „ — 2 „	35 „
Отдельный нум.	20 „

Плата принимается в Главной Конторе
Первоначальное Издательство „Молодая
Гвардия“, Москва, Тверская, 37

СПОРТ РАБОЧИХ ЗАПАДА

Internationales Tennisturnier
des Arbeiter Turn u Sport Bunde
Rumland - Liffland
Osterreich - Banker

НАЛЕВО ВВЕРХУ: ФИНИШ ЭСТАФЕТНОГО БЕГА
4 ПО 100 МЕТР. ПОБЕДА ВЫРВАЕТСЯ НА ПОСЛЕД-
НИХ МЕТРАХ

НАПРАВО: МАССОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ЖЕНЩИН-
РАБОТНИЦ НА СТАДИОНЕ В БЕРЛИНЕ

ВНИЗУ: СОВЕТСКИЕ ТЕННИСИСТЫ В ГЕРМАНИИ

С большими трудностями рабочий спорт на Западе вытесняется из-под влияния буржуазии. Буржуазия прекрасно ушла, как велико значение объединения рабочих, хотя бы и на спортивном поприще.

Сейчас за границей хозяева больших предприятий на свои деньги оборудуют вблизи ме-та работ и жилья рабочих стадионы. На первый взгляд кажется странним: откуда у заводчиков такая заботливость о народном здравии?

Присмотритесь поближе и вы поймете, что это сделано с явной целью контролировать свободное время рабочих.

Но если буржуазия замкает спортивные организации полей фабрики, то социал-демокра-

тические спортивные организации всеми силами оберегают их от влияния советских спортсменов. Очень показателен пример с последней Олимпиадой.

В буржуазных странах существует обычай организовывать каждые четыре года так называемые «Олимпийские игры».

Последняя Олимпиада была в 1924 г. в Париже. Мы на ней не участвовали, равно как и все секции, примыкающие к Красному Спортивному. Не участвовали и рабочие спортивные союзы, объединения в социал-демократической Люшерской Интернационал. Они устроили свою рабочую Олимпиаду в Германии, во Франкфурте на Майне. Несмотря на резолюции, которые

выносились отдельными рабочими спорторганизациями, целыми союзами и даже странами о допущении СССР на Олимпиаду, вожди Люшерна боясь потерять свое влияние, всеми силами противопоставили этому.

Лишь в прошлом году, например, под давлением рабочих масс руководителям пришлось уступить, и они согласились на организацию русско-германского комитета единства.

Это является первым шагом к установлению единого рабочего спортивного движения во всем мире.

В противовес буржуазной Олимпиаде мы в 1928 г. устраиваем всемирную рабочую Спартакиаду, на которую съедутся лучшие силы пролетариата.

всю душу ячеей отдам, и главное, выжить надо на порогу выводить, а то мы все ввалу... Э-эх, только бы не слезаться!

Нет, не спергать Паниа радости, так и отражается она в глазах, как в зеркале, так и вырывается наружу, как у ребенка малго, От улыбки лицо детское, шаловливое, поблескивает, морщится стыдливо ресница длиннее.

Заглянула Серекна в лицо ей и тихо с досадой выдала:
— Паниа, а сознайся, ведь за морочку тебе выдают райком?
Улетела Паниа мыслями на ячкью новую, не слышит.
— А, Паниа?
— Что?

— За морочку, говорю, крайнюю тебе райком выдают.

Засмеялась:
— Ну, ну, ты поосторожней.

Да чего, факт. С секретарем гуляла, вот он и того. А кого нужно, работников старых, на низах маринует.

— Брось ты, Серекя.

— Да не брось. Не знаю я ихней политики?

Известная Паниа:
— А тебе досадно? Старый комсомолец и никуда? Тебе бы надо секретарем сидеть. Эх, Серекя, если бы денька да вля вперед, я бы тебе о радостно уступила, а теперь нет, никому не уступлю. И страшно, и боюсь, а нет... сакой хочешь.

Молчала Серекна угрюмо. Забрелили думы старые, и рука ослабла под мышкой у Паниа. Шел согнувшись, не слыша ее смеха шаловливого. Поскользнулся на шишку, увернулся. Через шаг на полоткинулся и полетел бы,—Паниа за руку удержала.

— Хох, ты... разуй глаза.

Очнулась Серекя, крепче вяла ее под руку и, заточула, несело заговорил:

Ну, что ж... издалека. Паниох, не трусь только. Тут во все и шабай. А я буду приходить к тебе на новую ячкью, иль?

Паниа остановилась. Радостно заглянула в глаза:

— Правда, Серекя? Вот хорошо-то. У тебя все больше опыта, чтоб посоветоваться. Значит, идать буду?

— Ага.

Они вышли на большую, похожую на подкову поляну. Луна побледила и только краешком выглядывала из курчавой ели в конце поляны. Остановилась у молодой берекки. Сергей задучливо обрвал ее зеленые, уже засыхающие листья и смотрел на полянку. Поля-подкова густо устлана зеленой, местами порнижевшей травой. Молодыеиные частые елки с сочными иголками тянулись по берегу, а за ними упирались толые толые сосны.

Тихо. Куда ни взглянь—оосны, или да березы сероватые замыкались в сплошной, бурый круг.

Сергей тихо взохнул, хотя на губах его была улыбка и тонкая усмешка. Притянул к себе Паниа, скавал ласково:

— Паниек, что мы с тобой шатаемся все, давай посидим?

Он подхватил ее на руки, раскачал, как ребенка, и, выпуская из рук, посадил рядом с собой.

— Здорово, Паниек, а? Ешь? Ну, не бугу, не бугу.

Он совсем привалился к ней, спеленал ее ушки плечом своей кожманки и повернул, как куклу, лицом к себе.

Тепло.

Она ласково кинула головой.

— Только от своей эскуриси далеко мы уши, Серекя, заблудимся.

— Что-о? На меня не надеешься?

— Эх, тогда намечная, посмотрим, как ячкью помогать будешь.

Она растегнула куртку и половиной прикрыла Сергея. Он сперва откачался, потом уселся поудобнее, голову ей на плечо положил и тихо стал гладить ее полукруглыми губами.

Паниа молчала. Она чувствовала на шее и на кончиках его теплые бегущие пальцы, чувствовала, как Сергей нежной и крепче прижимается к ней.

Опять заговорила о ячкью, но Сергей сердито прорывал:

— Брось, Паниек, сказав раз...

... Довольный и счастливый он опрокинулся на спилку...

Неожиданно быстро и крепко поцеловал ее губы и опять спрятал лицо.

Паниа чудно смалась, закуснула губы и отвернулась прочь. И как-то сразу пропала к Сергею прежняя оверечность, пропало теплое товарищеское чувство. «Я в этих делах тонко разбираюсь»—вспомнила она слова Сергея и почему-то подумала, что весь разговор он заводил для того, чтоб лучше войти в доверие. И раньше знала Сергея, но давно не выдалась с ним и жужала, что он переменялся. Его теплое дыхание неприятно щекотало губы, хотела оттолкнуться, но вспоминала что-то и спугнула руки.

Минуты уже сидели не шевелился, потом Сергей крепко, насколько хватило сил, принял ее к себе и заволновано выкрикнул:

— Паниек?

Молчала. Но чувствовала: груди ее замыкались выше и выше, давая голову приподнимала. Улыбнулся. И у самого губы загорелись. Заложил сердце приятно и мягко. Поцеловал опять, несело заглянул в лицо, но ничего не прочел на ней.

Курточка спала. Бугу невзначай сталтл ее с Паниа и незаметно, нервно стал стелить ее одной рукой за Паниной спиной.

Снова в ее шеку влился и медленно начал покачиваться взад и вперед. Замерзал в наклонном положении, прилущился. Только два сердца глухо и коротко стучали наперербы. Одно воровато, порывисто, а другое ровно и редко.

Звоная пощенина расосела тишину. И не пощенина, а бугу широкой доской шлепнула по голному мягкому телу.

Паниа обильно ругами толкнула его в зубы и вскопчила с загоревшимися глазами.

— Что, стереви, хорошо?

Правая щека у Сергея красная, левая побледила, бугу грим наложился разношерстный. Одно ухо, как мило сморье—вот-вот полнет и брызнет кровью.

— О чем вякнула на плечо кошманку и встал. Ухмыльнулся Паниа в лицо.

— Значит с секретарями да с шишками можно, а с нами нет? Мелки, да?

Опять киятком обварило Паниа. Полюсничла, затрелась кулаком перед носом.

— Замолчи, полелю... А то ешь так по щекам нахлестает...—Взохнула с горечью и злобой, опустила руку...—Эх, сволочи. Ни с каким парнем нельзя поговорить по-товарищески. Только выдвинулся дичина, как на мед набросится... А актив тоже... Развращаете сами, а потом кричите на всех перекрестках: «комсомольцы наши развращены». Э-эх...—отвернувшись, прикусила губу, придавила рукой заходящую губу.

Сергей о усмешкой спилуюл:

— Тебя не развратишь... Сама любому вперед дашь сто_очков... Со сколькими уж, не поминь?

Утерела Паниа, только, чтоб не упасть, ухватилась за ветку березы.

— Нет, Серекя, не помню... Только вот какого вы чорта меня из созда не гоните, а?.. Ведь развратница я... Дурунку упи на поля оуп... А у вас ведь фактс-то нет. Да-да, где фактс? Чем докажешь? Только слова, Эх, сволочи, хоть бы раз когда о лещине подумали.

— Да брось хмыкать-то, слезки-то чистые лить... Уж известная. Все знаем.

Засмеялась Паниа. Не востол, слезамися засмеялась, но громко и как-то выливно и сухо, бугу с болью выдалаина на себя зтой смех.

— Ага, я известная... То-то и хотел меня взять в один вечер. А других небось по месяцу обрабатываешь?.. Не на такую напал, Серекя. Я бы тебе с первого раза пощенину закатила, но хотела узнать, сколько нахалства у тебя имеется.

Она упала на траву, ткнулась горячим лбом в руки, с_емилась и застыла, как огромной скошеный шветок.

Постоял Серекна над ней и опять ухмыльнулся.

— Галина... Тове честную из себя строи.

Не слышала Паниа, когда он ушел. На сердце пустота, ни охоты, ни желания. Придвинуло все пудовая тяжесть, какая бывает после большой любви, когда вымнешь все слезы, опослева, а она все плавит и давит, и кажется, не подыметь ее оттуда ничем. Медленно перебирала Серекнины слова, вспоминала оттенки его голоса и илечню улыбалась. «Известная, х-хх, в короткое время известность стала». Она вспомнила последние дни на своей ячкью, дечат, разговоры, и обидя заматывалась в груди огромным, липким клубком. И не только за себя обидно, а за вся ячкью, за всех дечат.

— Известной стала,—с горечью бормотала она, и губы ее кривились в жалкую, смешную улыбку.— Как же я с этой известностью на новую ячкью приду.

Она хотела воскресить давешнюю_охоту и работе и не могла. Бугу ведь давно стало секретаря лить быт иль простой комсомолькой.

Не знала, сколько пролежала на холодной траве, когда поднималась, совсем расслело. По деревьям далеко было видно рыжую шку и шершавые широкие шишки. Руки усмаллись синими муравшиками. Тело сильно и коротко вздрогнуло. И припомнила направление, уничтоженная, разбитая, пошла наугад к своим.

Лицо ее стало опущенным, бледным, взглянул сухой и мертвый.

Села легкая роса. Ботники заблестели и ослепились ячкью. Носки отсырели. Паниа вспомнила, как трудно приходилось выходить на дорогу, как приходилось бороться с матерью за

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

Очерк П. ЛОПАДИНА. Ф. то Ф. ЗУБКОВА

Из живой, расплавленной в особой ванночке, лягушечки лаборантка вынимает сердце для того, чтобы записать его потом жизнь вplane самостоятельно на кривою несколько десятков часов

На тихой Гоговской улице, затерявшейся среди пустырей и задних дворов громадных университетских зданий Давыдченко Поля, в большом старом саду стоит многоэтажное здание оригинальной архитектуры. Во втором этаже этого здания в крошечных комнатах-лабораториях расположился единственный в мире научный институт; здесь ученые работают над тем, над чем можно работать только у нас, в Советском Союзе,—над охраной труда рабочих.

Можно смело сказать: наш Институт Охраны Труда—единственный в мире. Да это и неудивительно. Главю может капиталистический Запад серьезно говорить об охране труда своих рабочих, когда основа его существования—закабаление этих рабочих? И разве может наш Союз обойтись без такого института, куда главная задача нашего существования—улучшение условий труда, создание такой обстановки, при которой труд на таком принуждении превратится в радостное творчество? Государственный Институт Охраны Труда мог вырасти только у нас, в Советском Союзе.

Этот Институт еще очень молод (он открыт в мае 1925 г.), но и на этот короткий промежуток он сделал исключительно много.

Сердце без тела

Прежде всего о том, как работает Институт, как доходит он до своих интересных и важных выводов.

В одной из маленьких комнат на среднем этаже, заставленном силиками, про-

бирками, колбами и бесконечным количеством трубочек, стоит страшный прибор: на крючке повешен какой-то маленький желтоватый мешечок, а на него сверху капает бесцветная жидкость. Этот мешечок живёт: он с точностью часового механизма то сжимается, то снова расширяется и с помощью прикрепленного к нему рычажка чертит кривую на медленно вращающемся цилиндре. Оказывается, этот желтый мешечок—лягушечье сердце. Его вынули из лягушки и заставили жить отдельно от тела, «кормя» особой питательной жидкостью. Вынули для того, чтобы изучить, как влияет на сердце человека один из самых страшных промышленных ядов—свинец. Он встречается в целом ряде производств—в типографии, при малярных работах, при изготовлении красок и свинцовых белых—и вызывает тяжелые колики желудка и так называемый «свинцовый паралич». До сих пор наука бессильна в лечении этих болезней. Даже больше: врачи не в состоянии определить точно, когда наступает это отравление и когда следует удалять отравленного рабочего с производства, чтобы не сделать это отравление неизлечимым и роковым для него. И наш Институт взял на себя тяжелую задачу изучения этого вопроса.

Но как изучать это яд? Ведь нельзя нарочно отравлять человека. И Институт травит лягушку и в первую очередь ее сердце. В питательную жидкость, которая капает на повешенное на крючке желтушное сердце, время от времени добавляют яд. И сердце тотчас же отзывается на это отравление. Оно само рассказывает о том, что оно чувствует при этом, точно и тщательно записывая свои ощущения с помощью прикрепленного к нему рычажка на бесостановочно вращающемся цилиндре.

Жизнь без крови

Как бы хорошо ни работало лягушечье сердце, повешенное на крючке, оно все же работает в ненормальной обстановке. Чтобы исправить это и к стати выяснить влияние яда на другие органы тела, Институт разработал исключительно интересный и оригинальный прибор.

У живой лягушки или кролика в двух местах подвешивают вены и вставляют в них стеклянные трубки, соединенные с целой системой резиновых трубочек, баллонов со сжатым воздухом и проч. Пуская в действие маленький насосик, животное «промывает» питательной жидкостью. Говоря проще—из него выгоняют всю кровь и заменяют ее этой жидкостью.

Вы думаете—животное умрет от такой операции? Ничуть не бывало: обескровленное животное продолжает жить и жить довольно долго (лягушка живет, например, три суток). А это дает возможность, прибавляя к питательной жидкости то или другое количество яда, наблюдать влияние его на органы исследуемого животного и изучать отравление свиновым ядом живого человека.

Завод под стеклом

В целом ряде производств—в красильных и сушильных, в горячих цехах текстильного производства, в горячих фарфоро-фаянсовых фабриках, на металлообрабатывающих заводах—считается исключительно высокая температура, доходящая иногда до 70—100 градусов. И до сих пор ни у нас, ни за границей никто не знает, как влияет эта температура на организм рабочего, как предохранить его от этого влияния и сделать работу в горячих цехах безвредной и здоровой.

К решению этого вопроса Институт подошел так же оригинально. Посреди одной из своих лабораторий на толстом стекле построена закрытая со всех сторон камера, об'емом в 42 куб. метра. Благодаря целой системе сложных приборов эта камера может превращаться по своим внешним атмосферным условиям то в горячий фарфоро-фаянсовый фабрику с его 90-градусной жарой, то в сушилку текстильной фабрички с 45-градусной температурой и влажным воздухом, то в горячий цех любого производства. И вот тут-то в искусственно созданных

Испытуемый в стеклянной камере при температуре в 45°

СПРАВА: Работник записывает и наблюдает по стрелкам своих приборов за работой организма испытуемого, лежащего в стеклянной камере

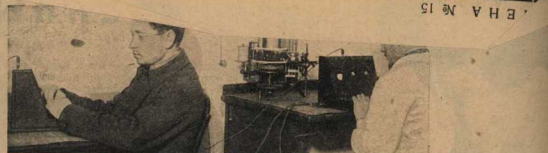
ВНИЗУ: Лягушечье сердце, повешенное на крючке, питается особым питательным раствором и жидкостью, поступающей на черном цилиндре (слева) кривою своей работы, показывая, как влияют на него различные промышленные яды

СПРАВА: Испытуемый, энергично работая ногами на неподвижном велосипеде, позволяет лаборантку сжимать камеру с различными приборами наблюдать за работой его внутренних органов

Ученых и Происходят исследования на живом человеке.

Трудно не испугаться внешнего вида того человека, которого для испытания вводят в камеру. Его ноги сняты особым замком, чтобы он падал только ртом. В рот вставлена толстая трубка, которая, как змея, извивается по полу камеры и исчезает в маленьком отверстии в толстой стальной стене. Голоя спина окружена тутаперчевым канатом, а на обнаженной руке надета резиновая манжета. И все это гибкими трубками соединено со сложными приборами, стоящими вне камеры. Сидя около них, лаборант по циферблатам приборов, по его термометрам и счетчикам каждую минуту точно знает, как работают органы испытуемого человека. Так исследует Институт влияние высокой температуры в горячих цехах на здоровье рабочего.

Испытание в психотехнической лаборатории

тов могут поранить глаза. Стекла этих очков устроены так, что их трудно разбить. Но даже разбившись, они ни в коем случае не могут поранить глаза.

В красильных текстильных фабриках стоят «киргеры» — большие чаны, в которых кипят краски. У наших и зарубежных инженеров после частых попыток сложилось твердое убеждение, что нет никакой возможности удалить из помещения те вредные пары красок, которые поднимаются из этих «киргеров». Институт удалось придумать оригинальную систему вентиляции этих паров и, следовательно, значительно оздоровить работу в красильных отделениях.

Заметив, что много отравлений на текстильных фабриках происходит от ядовитых паров ангилна, входящего в состав красок, Институт нашел возможным также уменьшить количество потребляемого ангилна и тем резко понизить содержание в воздухе его ядовитых паров. Это новый способ, примененный на Трехгорной и Серпуховской фабриках, дал блестящие результаты.

Лаборатория, изучающая влияние высоких температур, показала, что, как это ни странно, во время маршевых и лучшие пить не простужу, а соленую воду. Усовершенствования, введенные лабораторией на Дмитровской фарфоро-фаянсовой фабрике, не только сделали менее вредной работу в горнах, но и повысили производительность на 20%.

Изучая условия физической работы ивншии, Институт нашел, что самый большой груз, который могут носить женщины без особого ущерба — 20 килограмм (50 фунтов), и сейчас в этом направлении проводит обязательное постановление через Наркомтруд.

Наблюдая иваноно-вознесенские тчаев, Институт больше всего влжует общие санитарно-гигиенические условия, чем даже переход на работу на три станка. Крупные опыты, произведенные на ряде фабрик, доказали этот вывод, и теперь целый ряд производств, воспользовавшись этой работой Института, переводит работу на три станка, улучшая санитарно-гигиенические условия и этим добиваясь резкого подъема производительности при той же утомляемости работниц.

Изучая работу трамвайных кондукторов, Институт добился предоставления им свободного места у входа в вагон и этим значительно облегчил их тяжелый и нервный труд.

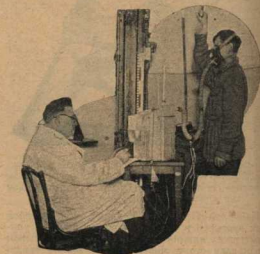
Лучший в мире респиратор, выработанный нашим Институтом

Что сделано Институтом

Теперь о достижениях Института. Несмотря на то, что он работает только 2 с лишним года, результаты этих работ громады.

Прежде всего Институт выработал лучший в мире респиратор (маску) для работы в пыльных помещениях. Насколько он удобен, легок и хорош доказывает хотя бы то, что изготовленные Институт респираторы, переданные для опытов на производства, не возвращаются рабочими.

Та же лаборатория выработала очки для работы в тех цехах, где осколки обрабатываемых предме-

Испытуемый поднимает и опускает подвешенный на блоке груз и дает возможность лаборанту сделать, как отражается эта работа на состоянии его внутренних органов

Лаборатория спецодежды выработала целый ряд рациональной спецодежды для целого ряда профессий, и теперь ее опытные костюмы, передаваемые на фабрики, не возвращаются обратно: они оказались исключительно удобными, легкими и хорошими. Сейчас Институт принимает меры к массовому изготовлению этой спецодежды, что несомненно не только понизит производительность труда этих категорий рабочих, но и сэкономит государству крупные суммы, потому что освоение разработанных спецодежды быстро портится, требуя частой замены.

Наконец, особая психотехническая лаборатория разработала метод исследования профпригодности для подбора — металлотов, вагоновожатых, проводников и т. п. и этим поставила на твердую научную основу набор новой рабочей силы.

Вот главное из того, что работники Института считают своими достижениями. Сюда совершенно не входит то, над чем они работают и что они еще считают окончательно разработанными вопросами. Но даже и этот сухой перечень говорит о громадной работе, проделанной за короткий срок этим изумительным, единственным в мире научным учреждением.

ОТПРЫСКИ ЧЕРНОЙ ВАРШАВЫ

Варшава из кожи лезет, стараясь походить в европейских столицах: все, что есть в буржуазных центрах мира, есть и в Варшаве — ночные кафе, точечные залы, шантаны. Там лихо швыряются златые «золотой молодежь». Но не только в бесценном велии провозит дни юные «сановит панство».

Не только в шантанах и кафе они проявляют свою натуру.

На нашем снимке — одна из главных улиц польской столицы. По улице движется отряд фашистской молодежи. Как ни странно, эту демонстрацию не сопровождает полиция — отпрыскам черной Варшавы предоставлена полная свобода сборов и манифестаций. Когда нужно, пилудские молодцы покидают уселительные места и вместе с жандармерией очищают улицы от митингующих рабочих.

Они ждут знака своего маршала, чтобы...

Мы знаем для чего по столице движутся их отряды!

Стихи Д. АЛТАУЗЕН

Рис. М. ХРАПКОВСКОГО

Завылм пятнастые псы,
Еще далеко до рассвета,
Как замок старинный, часы
Стоят за кроватью поэта.

И кто-то
У струнных тенет
По лампу старинному шарит,
То медные гири качает,
То в колокол глазо ударит.

И древние струны дрожат.
Блуждает
За датско дате:
Две черные пики лежат
На белом щите циферблата.

Как можно забвуть навсегда
О том, что написано в книге?
Опыт и, не зная куда,
Павлу
На заброшенном бриге.

Безумней,
Бурчавый матрос,
На плаву аялнтий делом,—
Я в жаркой Аравии рос,
Скитаясь на ослике белом.

Я мог бы матросом не быть,
И плечи
Беречь от загара,
Никак мы не можем проплыть
Проклятый пролив Гибралтара.

На рубке
Стоит капитан,
Предчувствием черным томимый,
Он знает рабой океан,
Как знаем мы тело любимой.

Стоит он,
Тяжелый, как дуб,
Нечесаны рыжие баки,
И трубку не вырвать из губ,
Как кость у голодной собаки.

Куда нас судьба довела,
А ветер, сметающий дюны,
Валы наката до бела
И бросая навстречу буруны.

Сиветаций
Морской водоём
Раскрыл кинтковые краны.
Мы золотого в трюмах везем
Из Индии
К Темзе туманной.

Матросом собрался кругом
И смотрит в подзорные дула.
Удари об головы гром,
И буря
С заляжкой водохула.

Горюком помыслил град.
Мы тонем,
Мы плуטים миги,
Нырлем,
Плынем наугад
На пахнущем крысаям бриге.

Но в этот расколотый нас,
Срывая
Развинуто блузу,
Я крикнул:
— На бриге сейчас
Не место тяжелому грузу!

Мой голос
Мне горло рассек.
Матросом рванулись утрово,—
Тяжелый, как дуб,
Человек
Навстречу им вырос у трюма.

— Наваль!—закричал он,—
— К рулю!
Еще мы не смыты рассолом.
Я золото сдам
Королю,
Он ждет нас
За бровновым молом.

Удари нам а нодрй туман,
Мы тонем,
Мы думаем думу,
Как дьявол, стоит капитан
У входа и тяжелому трюму.

Я выиска,
До дробй дроси,
Над мячтами
Лопались тучи,
В руке моей отблеск нога
Кометою брызнула летучей.

Упал он,
Рассылался чуб
Завылм валм, как собаки,
И кровь,
Выбегая из губ,
Обугана на рыбе баки.

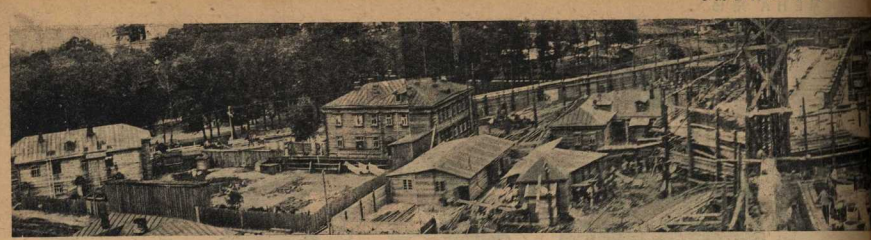
Смешалась зари с темнотой,
Три ноци в днарсекном уборе
Кидали мы груз золотой
В шипучее,
Скозькое море.

Подкнула нас воблатанный вал,
Нырля в равал океана,
За санитом последним упал
Раскнутый труп капитана.

Я встел у разбитых перна,
Покорный морскому рассолу,
Наш бриг обмгеченный полама
Навстречу
Туманному молу.

Рассет.
Загремел барабан
Под белым щитом циферблата,
Когда дочитал я роман
В издании "Госиздата".

Пора за работу, поэт,
На рейде завылм сирены,
Пришла полосуатый рассет
И вымыла на улицах стены.

Неожиданно к глухой улице, затерявшейся в огромной столице, подсаживают нагруженные кирпичом и лесом подводы, и начинается гомонное строительство домов. Теперь уже не узнать этого глухого места, целыми днями грохочут топоры, визжат пилы. Каждый день место строительства становится неузнаваемым—возводятся леса и каменным покровом устилаются стены.

Особенно сильно кипит строительство в Москве. На Роговке строится поселок Дубровка, состоящий из 40 шестипятиэтажных домов. Это уже не поселок, а целый узелный город. Тут и свои центральная станция парового отопления, тут специальный корпус для кооператива и домоправления. Недалеко от нашего места нагорает строящаяся Ленинская слобода. Справа вы видите Симонин монастырь, за древними каменными которого некогда михайловичи отбывали от нашествия монголов.

Слева вы видите поля,—по ним бегут паровозы Окружной железной дороги. Строится новый город для рабочих, новый, ибо все в нем благоустроено и ничто не напоминает старых жилищ. В новых домах ванны, паровое отопление и газ...

В ПЛОТНУЮ

БОРЬБЕ ЗА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

(НАША РАЗГОВОР)

О письме С. СКВОРЦОВА и дискуссии читателей. И. БОБРЫШЕВ

Бытовые вопросы—остры и волнующи. Особенно они остры и волнующи для нашей молодежи. Молодежь, только что вступающая в трудовую жизнь, естественно стремится устроить эту жизнь более рабской, светлой, менее тяжелой, чем она была у ее отцов и матерей.

В то же время бытовые вопросы имеют колоссальную важность для пролетарской революции, для социалистического строительства. Маркс писал, что пролетарская революция призвана создать не только новую экономическую строй, но и нового человека. Переделывая экономику, мы должны переделывать на новый лад и людей. С этой точки зрения бытовые вопросы и представляются для нас своего исключительную важность. Ибо где, как не в быту, находится узел тех жизненных условий, которые оказывают одно из решающих влияний на формирование человека? Собственно говоря, сам быт и представляет собой этот узел жизненных условий. Борьба за нового человека без напряженного, самого пристального внимания к быту, без переделки быта—пустая фраза.

Иные говорят, думая, что они являются самими чинами кто на есть ортодоксальными марксистами. Новый человек создается сам на основе нового экономического строя. Чего нам особенно волноваться, без новой экономики все равно нового человека не будет. Пустые головы, ничего не понимая в марксизме! Они забывают о необходимости в быту и в жизни. Добавочные усилия в перестройке быта нужны особенно значительные и упорные.

В том-то и дело, что старое, каковы бы перемены оно ни было, без борьбы, самой отчаянной, не изменить, а за смерть, не слается, не исчезает, и оно всегда пробивается ростком новым. Так бывает и в быту и особенно в быту. Быт—самое неповоротливое, тяжеловесное, сильно отставшее от развития экономического строя. Добавочные усилия в перестройке быта нужны особенно значительные и упорные.

И затем, разве экономика у нас не переделана и не переделывается? Разве десять лет пролетарской революции не внесли в нее коренные и не изменили? Безусловно, внесли. Ни какой стелени отрицать этого никто не может, даже слепой. Эти коренные изменения в экономической строе нашей страны создали все расширившуюся базу для переделки человека, для создания нового человека. Даже большее, интерес социалистического строительства настоятельно требуют от нас создания нового человека. Социалистическому строительству этот новый человек нужен до разреза.

Борьба за нового человека—обязательная и вполне своевременная задача. Комсомол имеет и должен вести эту борьбу всей своей работой. Одним из наиболее важных участков борьбы за нового человека является быт.—Как лучше устроить наш быт, чтобы он способствовал переделке людских характеров?—Что в быту мешает созданию нового человека? Быт с какой точкой зрения мы подходим к острым и волнующим проблемам бытового вопроса. Так пошел к ним и наш журнал, проводив дискуссии по открытому письму т. Скворцова («Разврат ли это?», по сценарию тт. Котлиниковой и Галанин и по фельетону т. Погодина («Альфе тубы»). Интерес, проявленный нашими читателями ко всем этим вопросам, показал, что редакция журнала не ошиблась, напечатав их,—они подняли перед молодежью действительно интересные, жгучие для нее вопросы.

«РАЗВРАТ ЛИ ЭТО?»—ДА, РАЗВРАТ!

Мы меньше всего склонны выступать в роли непогрешимых проповедников, иррефлективных обязательных заповедей. Так же не склонны мы непременно приликовать к каждому явлению определенный ярлык, говоря: за правильности его не смеет сомневаться. Но мы за то, чтобы вещи назывались так, как кажутся—своими именами. Это—обязательное условие. Разврат ли развратом называть и долины, а никак не иначе.

На прямой вопрос т. Скворцова: «Разврат ли это?»—заключая дискуссию, можно сказать лишь одно: «Да, несомненно, разврат». Тов. Скворцов старался поставить свой вопрос иначе, чтобы не звучало его протест, его разгадает любой пионер, даже только вчера пришедший в пионер-отряд.

Сначала т. Скворцов пишет, что у молодежи никаких там «проблем», «вопросов» и прочих сложных дел вообще не существует, и она их, по своему говори, и знать не хочет. Вот беда, дескать, а том, что все эти «вопросы» по-ручье с «проблемами» идут от дураков—от молы и лекторов. Газеты, мол, аудуборжанийголовые головы, ну и я пошел, как грибок после дождя, «проблемам». Если бы так обстояло дело, как представляется себе т. Скворцов, тогда разрешим все «проблемные вопросы» было бы не особенно сложно. Нужно было бы одно: смечь все газеты (обязательно вместе с редакторами, а до слова появится и начнут «блудничать») и переделать всех лекторов (можно вместе с их жинами—вместе все это «жестокое племя»). Цырь и глалы нагугли бы после такой несложной операции. Нишу похваливали бы Скворцова, никто бы не тревожил их безматериального и бездумного сна.

Да, глупости вы пишете, т. Скворцов! Кто вам поверит, что «это» от «газет и лекторов»? Посмеяться

только можно над вашим утверждением. Проблемы «проблемы»—вопросов—не существуют, не существуют не от того, зато их есть! «Беспокойная жизнь в роде журналистов и газетчиков. И, наконец, чего так свирепо сердиться на газеты: ведь черт их молодежь с а в а обличает с е в а переделке волнующих ее «проблем».

А теперь по существу вопроса. Тов. Скворцов пишет: разврат у нас нет. «Наша молодежь ничуть не больше себе позволяет, чем это было в старое время, до революции. Даже, я бы не сказал, мы гораздо гигиеничнее и порядочнее наших родителей наших, которые и в проститутках ходили целыми компаниями». Ну, и это—мы зададим мы вопрос. Что от того, что наши родители «больше себе позволяли»? Вот где действительно с полным правом можно сказать: «Чем же кровью проливали?» Разве революция для того делалась, чтобы было больше проститутки, чтобы в них жили комсомольские члены комсомола? До сих пор мы думали, что революция должна привести как раз к обратному.

Никто не говорит, что наша молодежь в смысле разврата, это утверждает только наш заграничные друзья—Миллюнов, Либер-Давид, Хикомс и прочая прочая. Мы—против таких характеристик молодежи боремся и будем бороться. Но мы никогда не будем так замазывать уродливое в быту, как это делает т. Скворцов. Самые публичные дома мы всегда будем называть развратом и против них также бороться.

Тов. Скворцов описывает, как помнят наши читатели, семейные вечера, на которые собираются парни и девушки, по очереди удаляющиеся в темную отдельную комнату, по словам т. Скворцова, происходит «особые свидания», или, как называют в деревне, «свадьбу пробуют». Такую мерзость т. Скворцов (должно быть очень мягкий человек) называет «особой формой коллективного блудничества». Никто не спорит, что это—бесобразие,—пишет он. В разврате все—таки даже и тут не видно. А видно оно: грубость и некультурность нравов, перебивания их перебиванием быта. Дальше т. Скворцов говорит на своего старого конька: перенеслись в рабочую молодежь эти «нравы» благодаря...—ну, конечно, газетам и лекторам.

Из-за чего же т. Скворцов, вы спорите? Или нравы вы описываете, не разврат, то что мы считаем развратом? Пусть грубость и некультурность нравов! Согласны. Но это что с нами пор стал читать, что разврат—это культура! Конечно, разврат от «грубости и некультурности нравов» не развратом от этой «бескультурности» быта не перестает. Кому нравиться, кто называет разврат «коллективным блудничеством»

Но не только в Москве кипит стройка. Строятся поселки на нефтяных промыслах, вадмаются леса огромных домов на Украине, в Ленинграде активно проектируется застройка целого ряда красивейших зданий для рабочих «Красного Треугольника».

Десятки тысяч строителей и безработных получают работу.

Сильная нужда в жилищах, растут культурные потребности населения, и в связи с этим, как никогда, остро стоит вопрос о расширении жилищного строительства.

Специальные фонды, фонды улучшения быта, средства жилищной кооперации, комбинаты и субсидии государством, — все это идет на то, чтобы в дальней Сибири, знойном Узбекистане, на Урале, в промышленных центрах, на копях и рудниках строились новые рабочие дома.

П Р И С Т А П Л Е Н О

А В Б Ы Т)
Е Н А

предложения лучше называть эти чубаринки—подкошки), но меркая сущность разврата от этого, к сожалению, в лучшую сторону никак не изменится.

Тов. Скворцов удивительно напоминает эту завратую бабу, которая, разбив ожомленные ей уши, на удрыз отстает; во-первых, я горшков баба, во-вторых—я их не разбита, а они сами жились; в-третьих—я их вернула белыми, а у т. Скворцова: во-первых, разврата нет; вторых—это не разврат, а коллективное бабство; в-третьих—весь разврат получился от разврата (баба, разбившая горшки, очевидно, была грамотной, иначе она сказала бы, что горшки разбились... газетками).

Разврат, как его мы называем, в среде некоторых нас взгляд незначительной части молодежи. Он находится в вопиющем противоречии со своими задачами и в первую голову с задачей создания нового человека. Газеты и лекторы, и небольшие т. Скворцовы, вся молодежь—все энергично борются с этим беззастенчивым, с этим «коллективным бабством».

НАУЧИМСЯ ЦЕНИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Ценить человека, своего товарища по станку, общественной работе, по организации, учебно-борьбе и всей жизни,—надо именно научиться, а не научиться чему-то. Уж не то: часто случаются вопиющие небрежные отношения даже к товарищам по родной, комсомольской организации. И не только случаи небрежного отношения, но подчас определенно враждебного. Тому примером «Шура с текстильщицей», о которой я и писал в очерке своем Галии. Подобных примеров можно было бы привести множество.

Чаще всего эта небрежность проявляется по отношению к девушкам, нашим девушкам-комсомолкам. Как легко комсомолке получить ярлык шпильки! Как легко и быстро с таким ярлыком, ярлыком, что, и не говорят, но очень часто не говорят о снать, отойти от комсомолки и лишь этого—уменьшение ценить человека, ценить человека и нас знают не всегда. И развратный номер прекрасных товарищей, из которых лучшие выжили бы не могли прекрасные борцы, наше бабство.

Мы не умеем ценить человека. Многие считают это разговором об этом чем-то зазорным. «Ценить человека—да ведь это сленгистов!» «То же, вы знаете так хорошо нежности?» С нежностью, особенно и только уме как-то раз было сказано, и хорошо сказано. Что же касается «сленгистов», то это ничуть, никаким краем не по-

хоже на умение ценить человека. Ценить человека, это значит: глубокое внимание, товарищеский—в полном смысле этого слова—подход к товарищу, товарищеская помощь и поддержка ему в нужную минуту для него минуты. Хорошо написала меланхо в своем письме, опубликованном в «Правде», Клара Цеткин:

«Существующие постановления проликованы и другим верховным принципом социалистического строительства. Я имею в виду умение высоко ценить человека и человеческую жизнь. Это заставляет общество заботиться о сохранении человеческой жизни; о наполнении ее содержанием, о поднятии ее на более высокий уровень. Эта забота—один из маяков, указующих путь советской политике».

Умение высоко ценить человека—не слепая, а «верховный принцип социалистического строительства». Это глубоко верно. Это так же верно, как верно, к сожалению, и другое: наше неумение в своей

повседневной работе применить этот «верховный принцип».

Мы должны научиться его применять, должны перестать быть расстратчиками живого человеческого материала. Та девушка с сияющими глазами, краснощекая привлекательная комсомолка Варя, о которой рассказывали в очерке «Девна девушка», такой же и должна остаться. Всей своей работой комсомольская ячейка во имя «верховного принципа» обязана стремиться к тому, чтобы у комсомолки Вarya поправкем были сияющие глаза, чтобы с такими же глазами она прошла весь свой комсомольский путь и вступила на путь взрослой жизни.

Мы за сияющие глаза, против пасмурных лиц. А сияющие глаза и вежливые быстрые лица у наших комсомолок и комсомолов будут тогда, когда каждая и каждый на них будут постоянно чувствовать себя окруженными непроницаемой стеной товарищеского внимания и крепкой искренней поддержки. Научимся же ценить человека! Это умение нам обязательно нужно в борьбе за нового человека.

ОПРОВЕРГНУТАЯ ТОНЯ КАЛАШНИКОВА

Когда я прочитал очерк о Шуре с текстильщицей (а я его прочитал 5 раз) и продумал его, то невольно я задумался: неужели, наша молодежь способна только смеяться, и подставляет шпильки и укорять невинных, да хотя и повинных людей, совершивших тот или иной поступок, благодаря своей слабости или неосторожному, неблагодарному шагу? Нет, товарищи, этим мы не спасаем и не поднимем на ноги поскользнувшихся, а, наоборот, только оттолкнем их от себя и поставим в грустное положение. Не забывать, что за всякими поступками следят десятки таких поскользнувшихся. Меньше насмешек, меньше шпильки, а больше делового разговора и указаний. Правда, Шура Гроосман крепкая, сильная натура, обладающая настоящим характером, которая добавляет своей силе—существует свое заветную мечту о коммуне, доказать, что она а дурных поступках неповинна. И она добьется своего через посредство своих братьев и сестер комсомолов. Мы обидим усиленно добьется этого и поможем ей. Но как быть со слабыми, которых в наших рядах не мало? Как вот с ними быть? Я знал одну комсомолку, которая была мертвой насмешке и укора. Вник по-разному живет, и всяк по-разному рассуждает и думает... Так вот было и с Тоней Калашниковой, которая благодаря слабости своего характера и слабой натуре опустилась через одного парня и пошла по тернистому пути скорби и горьких слез. Когда ребята узнали про ее поступок, то стали вступать над ней смеяться, перед всеми унижать и попрекать. «Догрепалась, заработала себе, тебе не в комсомоле быть, а в публичном доме».

Все хорошие друзья и товарищи оттолкнули ее и стали ею пренебрегать и сторониться ее. Такое отношение друзей очень повлияло на ее слабый характер. И она много проработала бессонных ночей, много продумала, и много пролила слез. Но, наконец, ее слабый характер не выдержал всего этого: с одной стороны, насмешки друзей, с другой—упреки матери, и вечером после захода солнца, когда все спали, она пошла на бельевую веревку, оставив записку друзьям: «Я не могла вынести ваших насмешек, ваших укоров. Не могла вынести своего одиночества и похвалы моих друзей. Вы не могли мне помочь выйти из трудного положения, не смогли дать материальную и моральную помощь. И мне не предостало никакой выгоды, как вы хотите жить в самобуйстве. Прощайте друзья. Вы меня больше не увидите».

Опровергнута вами Тоня Калашникова. Это не один факт, а таких фактов много в наших рядах. Нередко бывает, когда из комсомолки выходит через «подковырники» товарищей, в роли как «трещинки», сумасшедшая комсомолка, ты на язык востра, а на деле тебе нет. Ты полюбишь всю нашу организацию» и т. д. И девушка, не вынося всего этого, покидает ряды КСМ. С этой «социальной» болезнью нам необходимо повести решительную борьбу, заставить данный вопрос во всю ширь в комсомольской организации и повести кампанию по данному вопросу в рабочем журнале «Смена».

г. Астрахань

Малогин

ВИНОВАТ ЛИ Я?

(Исповедь выходца из Союза)

П. ГУРОВ

Много несено в письме т. Гурова. Несено и туманно, как это ВДРУГ т. Гурова обуяла апатия и он почувствовал себя одиноким. Непонятно, как это вышло, что вдруг сразу ослепла разувальная, пьяная жизнь и появилась острая потребность заново встретиться в комсомол. Но именно так писала т. Гурова вест ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ, при освещении некоего явления в одной из своих статей. Не один Гуров переживал и переживает в свое время. Это служило объектом для письма т. Гурова. Мы просим наших читателей, в особенности астраханских земляков, высказаться, в чем Гуров и неприя Гуров, нужно ли читать его в комсомол. Мы охотно напечатает материал, который приволил бы другие факты, освещающие все вопросы, поднятые Гуровым.

Давно еще, когда я только-то вступил в комсомол, я был полнокровней какой-то волной активности. Я вступил в комсомол, но не потому, что мне было хорошо, активного парня. Но потом!.. Это было ужасно...

Какая-то апатия ко всему... Я остро вдруг почувствовал себя чужим, одиноким. Я не спал ночами, равные сброшенные мысли носились в голове. Чего-то хотелось, но чего-то не мог подмянуть. Вот это незнание еще больше начало мучить меня.

У меня был друг, хороший друг. Девушка Катя... Именно хороша тем, что понимала меня. Я часто бывал с ней. У нас были откровенные разговоры, я все открывал от нее. Частю она говорила мне:

— Ты дуралиться, а на сердце кошки скребут!..

И она была права! Я дуралиться, смеялся по хрипото, но внутри было непонимание себя, своей жизни. Как мне жить и кому нужна моя жизнь? Все заняты своим делом, все довольны...

Я злился на всех, на все. Мне было 20 лет.

Я начал пить. Вот именно от этих мыслей я начал пить. Я старался уйти дальше от этого, не думать, забиться. Я решительно продал все по получку. (Я работал поваром и получал хорошее жалованье). Волга, биллиард, пьяные разговоры, а на другой день как кислый, дряблый отгул.

Вот в этот период я почувствовал свою нищету, союзом, беспомощность. Я пришел и сказал:

— Вот мой билет, больше я не член.

— Почему?

— Почему? Я не знаю!..

Я ушел без жалости, без чувства потери. Я весь отдался чему-то непонятному, неизвестно к чему выведу.

Катя уехала, оставив записку:

— Я уезжаю. Будь таким же хорошим. Друзья с моей остротой... Буду писать.

— Ладно!—подумал я.

Стал видеться с ее сестрой, тихо-тихо скрывая свои пороки. Я еще ничего не мог сказать о ней. По-моему, она была еще ребенком. Но как-то я заметил, что этот ребенок начал знакомиться и молчаливо. Я понял, что передо мной не ребенок, а девушка, которая хочет быть заметной. В ячейке она считалась самой смелой и дерзкой.

Я увлекся ею. Но какая это была странная девочка! Именно—странная! Мы вместе ушли в лес. У нее мой любимый брат.

Однажды у нас в клубе был спектакль. Я участвовал. Для храбрости шел с братом выпили. В клубе была темная комната. В нее-то мы по очереди и вошли ее. Грубо ласкались и протискиваясь друг к другу, ввалили. Я ничем не мог объяснить ее поведение. Момент, от того, что молода? Да нет! Это какая-то особенность!

Я серьезно увлекся и серьезно ревновал к нему, к своему названному

брату. А однажды, это было вечером, я только-то пришел на работу. В клубе выпили. Он говорил мне, что полюбил меня за горло. Мне было неприятно. Думая, что это шутка, я спросил:

— Ты что, убить меня хочешь?

И тут я заметил, что это серьезно. Перело мной было злое, пьяное лицо. Упрямо, с ненавистью глядящие глаза. Не вымучивая шеи, он промолчал:

— Убить я тебя успею, а это...

— А-а! Тогда так!

Я свалился его, прислонив и отбросил на пол. Он кривнул. С ругательством кинулся на меня. Нас разняли. Его вели, молчаливо, зло отрянутого. Я весь дрожал. В голове мелькала фраза, что это из-за нее. Неужели из-за нее?

На другой день он прислал письмо, в котором извинялся, просил прийти переговорить. Я махнул на все рукой. Отстал и от него, и от нее. Письм инюга, по ночам, ее вспоминал:

Летом я ругал себя за это влечение. А почему? Я понял, что это была пустуха, красиво наряженная девушка. Когда приехала ее сестра, начала расспрашивать. Не стеснялся, я откровенно высказался.

— Да, я увлекся. Но теперь я спокоен. Она для меня утерянная вещь...

Так, значит, ты ее не любишь?

— Нет, любил, но теперь вижу, что она пригодна лишь для удовлетворения похоти.

Она очень удивилась и, кажется обиделась.

— Неужели она такая?

Я не чувствовал острого желания сблизиться с девушкой, это очень редко приходило мне в голову. Меня мучило одно чувство. У меня не было товарищей. Я думал, а дома было противно. Мелочная жизнь. Иконы, самовар, болтовня, сплетни... Это раздражало, бесило. Я рано уходил, сплелся по городу. С Катей я не виделся. Мне начало казаться, что у нас только видимое дружество в газете.

Но что же делать? Хотелось острого ощущения, сделать что-нибудь такое, чтобы чувствовался, помнилась. Но в результате одно—фармагалия. За мной остался одна общестенная работа—завульгарный профсоюз. Я и к ней не притрагивался. В конце концов меня проделерили в газете.

Ничего-де не делает. Только пьянствует!..

... Мне переизбрали. Я стал совсем. Все мое свободное время шло на биллиард, пьянку, лото. Я полюбил себя товарищей, шел и пил с ними. У меня стал нехороший вид. Когда я шел по улице или был в кино, я замечал, как на меня смотрят доносительно. А когда проходил мимо—бегали, стояли, боялись за свой карман. Я смеялся, но наружно, с иронией. Нарочно громко говорил:

— Смотри, ребята, боится, думают, что я по шире работаю... Ха-ха-ха!..

Но на душе было больно. Если сильно бывал я выпивши, мне хотелось что-нибудь сделать нехорошее. Я приставал к кому-нибудь, кричал:

— Эй, ты Студент! Обезьяна! Можешь мне с нами поговорить? Но человек молчал, не обращал внимания...

Но это делалось только в пьяном, бесчеловечном состоянии. Меня уносили куда-нибудь прохлестать, а на утро я ехал на автобусе за город, в поле. Стоял там на ветру, растегивал пальто и раставлял руки. Ветром меня качало. Ослабевший, больной!..

... На другой день опять то же. Пустота и пустота! Ничего нового, ничего хорошего. Одно время я думал пойти в себя. Уединиться, никому не ходить, никого не видеть. Но я не мог! Всклок куда-то: на улицу к людям. Кой-как я протерпел с нежеланием, потом сорвался, побывал в ресторане. В лото, в ресторанах...

А к труду меня на улице разбулдыли сторожа, прислонившись к забора. Я начал пить. Все три дня. Ночью лежал дома. Без фуражки, босой, избитый... Рабулдыли и провозжали как мулика. С позорением глядели сзади. Я думал... если бы они знали! Шел перед ними, издавая глупый, горестный стон своего сердца. Человек, о котором одно время писали в газетах, как о пострадавшем за работорговлю...

Где это это? Только грязный, босой, с потными глазами, не по лобам сторбящийся...

И вот вдруг все ослепло. Я стал другим. Начал читать. За книгами скрывал свое время. Помирался со своим соперником. Вместе с ним ходил в кино. И все. Я уже не пил, чувствовал отвращение к воде. При одном ее виде меня тошнило.

Все больше и больше меня тянуло в комсомол. Написал о своей жизни все, как было, просил принести обратное постановление в воде.

На собрании зачитывали мое двухлистное заявление. Выступили люди, промолвив про мои ошибки—хулиган, говорит, пьяница... Но все-таки постановили взять на меня, и заругать работой. А там видно будет.

И вот я—технический редактор стенограмм. Рядом явился за работу. Писал, думал, о выступлении написал несколько номеров. Из ячейки никто не писал. Об этом говорили на каждом собрании, призывали сотрудничать, но все напрасно. Я выслушал на каждом собрании, яро доказывая, призывая... Стараясь сделать полезное. Но со стороны не было поддержки.

Я опять явился в уныние. Я утас. Поручили ячейку выдвигать лишь то, что необходимо, без возмущения. Появилась апатия, неверочивность. Про ячейку я говорил:

— Делают собрания, принимают члены и больше ничего. Надо делать то, что полезно, надолго запомнить. Я часто спорил. Доходил до ругани.

Ах, как все поделенно кажется мне у людей! Или, может, я мало их знаю? Приехала Катя из Москвы, она теперь рафкаовка. Грустная такая.

— Ты что?—спрашиваю.

— Ессин!..

Ах, это Ессин! Как много повидал он в советской стране. Она уже повержен в ессинский дух. Она началась его стихов, и уже его хвала. На прошальном вечере его хвала бросилась с шестого этажа... Но... не бросилась! Жизнь Железняк поборола всякий дух. Ну, ладно! Я допускаю мысль, что у него может это появиться. Она находится в таком кругу, где тихо и призрачно шиваются к Ессину... Но ее сестры...! Эта ярко раскрашенная куколка, которая прочтала пять стихов Ессина, да вряд ли что-либо повлиять в них, тоже впадет в уныние!

Ах, черт! Ну, это ли еще не скромничанье! Ну, как не противно смотреть на них. Петрушко—я больше ничего. Я ненавидел их, и ненавижу.

— А они меня?..

О, они тоже ненавидят меня!

Я выявлялся! Но как и выявлялся! Это даже смешно. Ни один активист ячейки, ни один член бюро не глядел на мою работу. Не интересулся ей.

— А что, молб с ним!..

Ни один не пытался со мной поговорить, посоветовать что-либо. А ведь я нуждался, очень нуждался в этом.

Помню, я и самый активный парень ячейки званил в биллиарду. Я злился на него за развлекание ко мне. Захотелось поиграть.

— Сыграешь?—спрашивал я.

Тот согласился и предложил с нейвинной умябочкой:

— На поблутувало, что ли?!

Как вам это нравится! Я стал играть и не старался выиграть, а когда проиграл, выкинул деньги на стол и зло, по-матерному его обругал.

— Активист, мать твою!..

Проще с год. О моем выявлении молчали. Тогда я напомнил сам. Но как же получилось? Бюро не раз переизбиралось, старое разберлось, новое ничего не знает. И снова выявление.

— Какое же выявление?—спрашиваю.

А хди на собрание, политшколу—вот и все!

И я ходил! Ходил еще полгола! Бесновался внутри, но был спокоен снаружи.

Лопнуло, наконец, последнее терпение. В своем третьем заявлении я писал:

«... или примите, или я пропаду!... Мы терпение лопнуло. Это был мой решительный шаг. Мне вступилась не было прихотью. Я остро чувствовал необходимость быть в союзе, жить вместе с ним полноправным членом.»

Наступило собрание. Вышел и столу парнишка. Совершенно назав. (Он год добивался этой прищески и даже для этого смывал волосы гунмарабром). Вышел и прорабаган!

ГРАНДИОЗНЫЙ ПРОБЕГ МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

Осоавиахим организует грандиозный эстафетный пробег бегунов и велосипедистов по маршруту Москва — Ленинград. Физическая тренировка, умение быстро передвигаться, выдерживать продолжительные переходы и перебежки является одним из важнейших качеств бойца.

Ставя своей задачей организацию обороны страны общенациональными силами, Осоавиахим не может, конечно, пройти мимо физической подготовки молодежи. Кружки военных знаний, санитарные, кружки химобороны, стрелковые и иные вместе с кружками физической подготовки, физкультурными провоят на предприятиях полную подготовку к требованиям обороны и военной службы.

Пробег Москва — Ленинград устраивается бегом и на велосипедах. Бег — ускоренная ходьба, так же как и велосипед, является важнейшими средствами передвижения армии.

Пробег будет проходить днем и ночью. Участники будут передвигаться в неизвестной для них местности. Вместо гладких дорожек стадионов, на которых катком заглаживаются всякие неровности, вместо гладкой ленты трексов, велосипедисты и бегуны должны будут тщательно ориентироваться, оглядывать встречающихся по пути препятствия и быстро сообразать, в каком направлении и с какой скоростью следует передвигаться.

Пробег должен усилить интерес со стороны молодежи к бегу по пересеченной местности, к езде на велосипеде в трудных условиях, к использованию спорта в целях военной подготовки.

Маршрут пробега — через Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай, Крестцы, Новгород — охватывает дистанцию в 720 км. Вся эта дистанция разбивается на этапы: для велосипедистов в среднем по 40 км и для бегунов около 11 км.

В пробеге будут состязаться команды Москвы и Ленинграда. Каждый город выставит 36 велосипедистов (18 основных и 18 запасных) и 75 бегунов.

В назначенный день и час в обоих городах будет дан старт. Первыми будут пущены бегуны. Бегущий на первом этапе участник получит пакет, который должен быть в кратчайший срок доставлен по назначению. Одновременно два пакета будут вручены в Москве и Ленинграде. Через 8 часов после бегунов отправляются велосипедисты. Ленинградская команда будет стремиться возможно быстрее передать эстафету в Москву. Москвичи — Ленинград.

Дистанция велика, по пути встретятся различные трудности. Участник может сбиться с пути, не рассчитать свои силы. У велосипедиста случится поломка, прокол шины. Все это отразится на скорости, все это по возможности должно быть устранено тщательной тренировкой. Велосипедист не должен пренебрегать, если он в ночном пробеге во время эстафеты налетит на какое-либо препятствие, свалится в канаву. Во время военных действий самодатчику нужно стремительно нестись, чтобы передать срочное донесение. Но там снаряды и пули противника, раз'езды врага несут еще более затруднений. Это более хладнокровия, решительности, сообразительности требуется, чтобы скорее достигнуть цели.

ДУСЬКА

Из рассказов ИРОЧКИ

I. Пока оденешься

Ирочка все свое бархато раскинула по стульям, табуретку заныла, на столе разложила, на кровати. На полу газеты порванные по ногам мерещатся, а часы уже близко слышны... Еще волосом не проследил — куда их столько у меня! Хорошо, что Ленка шила дала, можно и алмазные зашить.

Дуська просила пораньше прийти, на стол не брать получше. Я это умею.

Назавтра моя сестра сядет на дорожку юбочку, пижамы. В ней, когда вернется, так она все круто, как зонтик!

А блуточку надену английскую... Кругом из левака в английской блузке не придет, я одна буду. И у самого горла — бантик!

— Скоро ли, Ирочка? Время!

— Сюю-сюю, Леночка! Вот завязьк и оденусь, столько хлопот, разве можно в одну минуточку.

А чулки опять повили. Уже натангула — они вольны да и ладны. Пальцы поколола, но и не видно совсем, где штопанно!

— Тети Поля, сколько время?

Моя Тети Поля советует уме с ног сбилася — все бегают время сменить.

— Сюю минучку!!! — и опять поблела к соседкам...

— Дешич минуц вошмого, Ирочка!

— Вот сейчас уже напущусь! У меня духи лобные — «Москвичка».

— Ну, и уме волосом готова.

— Чу, и я готова.

— Смотрела я через зеркало на Ленку. Не идет худым серое! Она и лодочки, и чулки — все серое надела. Как мышь. Вкус у них нет, у наших.

— У Ирочки Пелагея Иванна, Ирочка догад? Дуська сама приехала.

— Мы здесь, мы здесь! Сейчас уже идем!

— Девочки, полчас восьмого мне! Бега!

Подолавшись, Она осторожничать ишлется. Губы уже наизвала. Не оделась и уже наизвала. Ей, положим, нужно, а то у ней губы белые, Шурка этого не понимает, что нельзя же девчонке с белыми губами ходить.

А я не махну!

— Пошли, девочки!

II. Явление Рижего

Какая у Федоровых квартира хорошая. Только у них и столовая темная! А икон сколько! И Грамофон стоит. Обязательно заведем.

В спальню дверь открыта — там смонше шитьи и завешено. Икон в углу — масса, на кровати покусить шить лить, кровать громадная, а повор, весь вышитый.

— Это ты сама вышивала?

— Ну, еще бы.

— Она ведь мастерица, — Ленка поддала.

На полу коврик заметила мохнатенький, а часы стоячие с фигурой. Я ведь не засматривала в дверь, а так, мимо шли. Больше ничего не успела рассмотреть.

Пошли мы на кухню, там все готосовое стояло. Мать приговорила, и сама к сосискам пошла. Стои тоже на дежурстве. Ух, его все не любит, он сердитый такой, тридцать лет на железной дороге. Когда он приезжает, Вовочка говорит, так все в квартире на пыльных ходят.

— Мы с Ленкой стали на стол накрывать, скатерть а замчатальная, и все салфеточки и ней полхояние.

Тут и Дуська вышла одетая.

— Ах, какие вы у меня, уже и стол накрыли. Ну, давайте посуду ставьте!

Кету, икру красненькую, пироги, яблоки — все расставили. А водки нет, напрасно Шурка звал.

Мы расставляем, а Дуська бьется згототки испортить — манюрок спелая. И платье все шелковое подалеи дернит. Аргиска!

Опелась так, что сразу видно.

Вдруг шум на улице, смех — все сразу пришли. Я вижу, глаза у Дуськи бегают. Кого она еще ждет, интересно?

— Что же вы так поздно? Мы замкались.

— Решили всей компанией прийти, стали заходить, а девчонки пока оденутся...

— Ничего пелобного, это вы сами по два часа собираетесь!

— Слив Вовочка целый вечер может перед зеркалом прихорашиваться!

— Вот, чудачки девчата! Для вас же стараюсь. Все захохотали. Вовочка присобрался и дался.

— А вы для кого стараетесь?

Я говорю:

— Ну, известно, все для тебя стараются.

БОЛЬШАЯ ВЫБИРАЕТ ЖЕНИХА

с Октябрьской

Рис. К. РОТОВА

Тут он меня подхватил под руку и говорит:
— Ах, Ирина Пелагеевна, мне не важно, что
все, а важно, что вы ко мне горячую любовь пи-
таете.

— Вовочка, при всех чужие тайны открываете,
равно может!
— Я ведь не ваши тайны, Леночка, а Ирошки-
ны всем известны.

— Всем-то всем, а тебе, Вовочка, меньше всех.
— Прощу к столу!

Все стали рассаживаться. Дуська стоит и не
садится.

— Дусечка, к нам!
— Вот около меня местечко в вас дуждается!
— Посмотрите, Дусечка, какой стульчик сим-
патичный!

Она улыбается и все не садится.
Звонок.

— Ну, вот видите, как же мне стыд, отворять
надо!

Дуськин брат Сергей с кем-то пришел. Мы
кричим:

— Садитесь скорей, опоздаете!
А этот новенький!

— Почтене уважаемому обществу.
Чудак какой!

Посмотрела я на него—рыжий.
Подошла к Дуське:

— Здравствуйте, Евдокия Ивановна, разрешите
вам преподнести!—И красивую розу ей сует.
Мы все притихли... Зойка шепчет:

— Со значением!
Вовочка закричал:

— Поможте, тут как-раз местечко под вас
округлилось!—и мне тихонько...—Нет уж, если он ее
Евдокия Ивановной будет звать, то я тебя—Ирина
Пелагеевна.

Потеснившись, брат Дуськина стул еще принес
и сел. А Дуська как-раз между Сережкой и Рыжики
оказалась.

III. Величать по кругу!

Сергей сходил в спальню, принес три бутылки
горькой, еще из кармана две бутылки спотыкачу
поставил.

— А это для барышень, сладенькое.

Сразу и раскупорили. Вовочка провозгласил:
— За дальнейшие драматические успехи нашей
хозяйки—ура!

Все закричали, выпили, закусили, и Павка
разразился:

— И на всех остальных наших соседей!
Рыжий ко мне:

— За ваше здоровье, не имею чести знать ваше
имя-отчество...

— Ирина Пелагеевна.—Вовочка громкогласно.
— Как Пелагеевна?—Рыжий затарошился.

Вовочка хохочет и разясняет:

— Тети Поли дочка, значит—Пелагеевна!
Я покраснела, но говорю очень серьезно и смот-
рю Рыжему прямо в глаза:

— Ну, да, чего вы не понимаете? Вот, например,
Вовочка тети Матрешки сын—значит, Владимир
Матрешкин.

А Зойка вдруг:

— Я обомла церковницей!—она свой стаканчик
весь выхлебала, разгорелась и уже затараторила.
Сейчас же Павка вскочил и убежал.

— Ну, давайте споем.
— Спойте, Евдокия Ивановна, «Случайно и про-
сто», чудный романс!

Все угораздило, она ни за что не соглашается:
— Давайте,—говорит,—круговую.

Сразу Вовочка, конечно, начал.

— В нашей корзинке есть много шветов,
Мы набрали их из многих садов.

Роза, фиалка и ялиция есть—
Можно веночек для Зойчки сплести,
Зойчка, Зоя, как вы хороши,

Любит вас Вовочка ото всей души!
Надо, чтобы величание по кругу шло, а после
Зойки стул пустой, Павка ушел. Она и спела:

— Стульчик мой, стульчик, как вы хороши!
Любит вас Зоя ото всей души!

А Нюра сама себе спела:
— Нюрочка, Нюра, как вы хороши!
Любит вас...

— ... Костя ото всей души!
Смеху сколько!
Дошло до Дуськи. Она смотрит на Рыжего,
улыбается и поет:

— Витечка, Витя, как вы хороши...

А Рыжий должен был мне спеть...
— Евдокия Ивановна, как вы хороши,
Любит вас Виктор ото всей души!
И смотрит на Дуську улыбаясь.
Секундочку все молчали, а потом, как загрох-
нут! Захлопали. Вовочка сурь закричал, и Дуська
смутилась.

— Это вы ей должны спеть!
— Почему обязательно мне? Ему видней.

— Ну, теперь фанты!—Сергей затарошился.

IV. Ирочек выпидя

Павка, наконец, вернулся и тащит четверть
церковного вина.

— Водичку принес...
— Ирочка, давайте я вам стаканчик этой во-
дички налью?

Я выпидя и развеселилась ужасно.
— У мове у Мишеньки
Есть и кармаше вишенки...

Поплеу Мишу раз...
Он мне вишенки отласт!

Смотрю—контролер летит. Рожа красная! Пот-
ная.

— Ирочка, это не у Мишеньки, а у меня есть
вишенки. Поплеуйте, как обещали. Сейчас же выну
и предлому!

А я смеюсь, толкаю его:
— Я с устymi не целуюю!

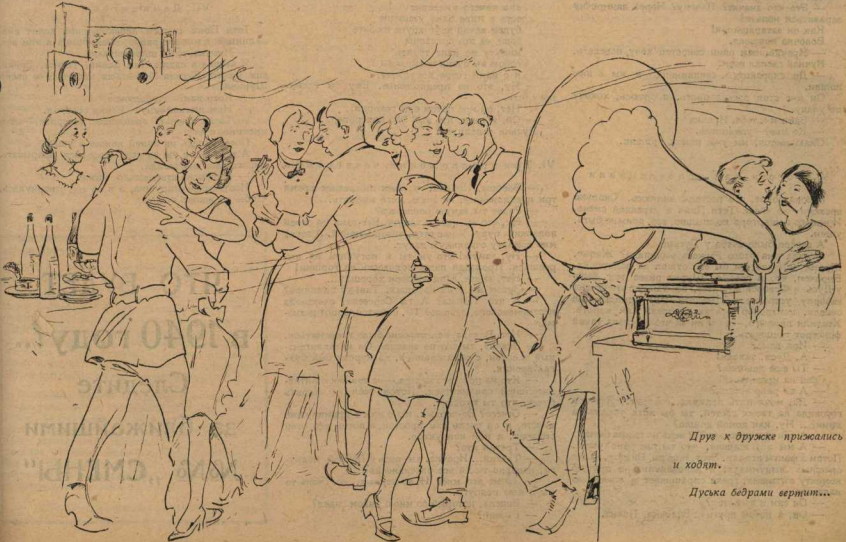
— Дусьчана, дайте ножницы—узы сниму!
— Раздвигайте стулья, сейчас плакать буду!

Граммифон завел. Вовочка платок дал, и мы
с ним пустились... Я пляшу—земли не чую! Все
хлопают, кричат.

— Ой, Вовочка, голова кружится!—И хочючу.
Посиди меня Вовочка на стул, а стала смотреть,
как Дуська с Рыжики танцует. Друг к дружке при-
жались, ходят, Дуська бедрами вертит, а он одну
ногу все ей между ног толкает, да так далеко. Она
отстывает, а он опять. Это же я в кино видела!
Фокстрот. Ну, а бы там не стала. В кино это мо-
но, а на самом деле—неприлично.

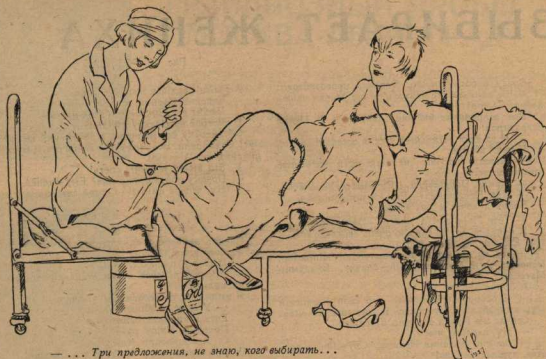
Все кругом сидят и смеются, папиросы курят.
И Нюрочка курит. Контролер подошел и мне предло-
жил.

Я завала.

Друз к дружке прижались
и ходят.

Дуська бедрами вертит...

— ... Три предложения, не знаю, кого выбрать...

Он и цел волье мени.
— Что это нас давно не видно, Ирочка?
— Как давно?
— Вверя вас в салу не было.
— А я в Зоологический ходила.
— Разве туда вечером пускают?
— Ну да, там электричество.
— Что же мы так делили?
— А слонов раскачивали.
Вдруг он прыснул, и все за ним. Ленка меня дергает, шепчет:

— Дура, ты неприлично сказала!
А я громко:
— Какое неприлично?
И Ленка отпихивается.
— Какое неприлично? Каким образом выключили танцовать. Рыжик вытаскил папироску и к Ленке подошел.
— Разрешите от вас зарыдиться.
Она смуглилась, растерялась и папиросу держит. И все удивились, одна Дуська захихикала. А я, если выпало—ко мне не походи.
Сейчас же принарядилась.
— Это что значит? Почему? Через папироску зарыдиться нельзя!
Как он затарашился!
Восклицала похвально.
— Ирочка, вам один секретчик хочу поведать. Ручкой сделал все!
— До скорейшего свидания!— и мы с ним пошли.
Он мне стал рассказывать, а смеюсь, захохотать до упаду.
— Завидно тебе, Ирочка?
— Ко мне?—удивилась.
Оказывается, мы уже домой пришли.

V. Кого и как распеваждали

Голова болит, а в постели валяюсь. Скольким времени—не знаю. Тети Поля в утренней смене. И никого в квартире не слышно, все должно быть, ушли.

А весело было вчера у Дуськи.
Откуда она этого Рыжого выловала? Жалко, Шурка не было, он бы его отнял за папироску. Впрочем, что я говорю: Шурка разве мог быть у Дуськи Федоровой? Нет, все-таки не умеет она вечером устроить. Девчата как приклеванные сидели, контролер целоваться лез. Как колотить Хваткина лизала,— я бы ни за что не стала такой фокстрот танцевать.

— Ира дома?
— А, Дуся, заходи!
— Ты еще лежишь?
Села на кровать.
— А ты рано встаешь?
— Да, меня мать поднимала, говорит: «Я вчера готовила на твоих гостей, ты бы хотя убрала за ними... Ну, как домой дошла?»
— А как мне доходить? Я ведь не пьяна была.
— А мы все ждали, что ты так рано ушла. Потом в фанты играли. Этуг, знаешь, Виктор, такие смешные выдумывал: в исповеднича—в другую комнату вызывает, грехи спрашивает и епитимью налагает.

— Он сам и вызывал?
— Он, а потом другие, Вовочка, Павлик.

— Ну, что ж, наверное одних лещат вызывали?
— Это так по фантам выходило, все пары попадали в исповеднича.

— А кто Ирку использовал?
— Ну, Ирку! Она сама ко всем бегала. Кости от нас вывернулись, так она теперь со всеми ажестя. А Лариску никто не вызывал, она так и пропела. А Сергей вызвал Ленку, мы ждем, ждем—она не идет. Вовочка кричал: «Сергей, помоги не забыть!» Тогда она выкатилась. Ел все первую залив. И чего она в ней нащип? Выпрыгивал вся в серое, как мыш.

— Ну, не говори, это очень стыдно, она извиненная. А со мной что было? Только ты никому, страдая тайна. Я тебе одной доверяю.
— Ну, что ты, Дусечка, я никому не скажу.
— Мне письмо с объяснением передала. Пока-зать?

— А кто? Покази.
— Сама угадай.
«На память

Примите мое предложение
оно ничего не вредит
есть в мире одно удовольствие
будет время друг друга любить
на это согласны
минути не надо терять
себяю вы очень прекрасны
я с вами готов погулять»
— Ну, это не предложение. Ему бы только погулять.

— Нет, он мне потом еще говорил.
— Ой, я знаю, кто это! Это контролер. Дуська выловнула.

VI. Три предложения, четвертый...

— Вообще, Ирочка, у меня последнее время три предложения, не знаю, кого выбрать.
— Разве ты замуж решилашь?
— Ну, что ж, надо и замуж. Все-таки на своей воле жить буду. У нас отец, знаешь накой. А тогда мне коммату отпелую дадут.

— Ну, давай! Это уж ты и погулять не вырвешься. Пропала наша молодость на горки!

— Нет, зачем, если человек хороший...
— Знаем мы этих хороших. Таньку помяни!

— А что Танька? А ты Сергеева, счетовода местноновского, знаешь? Ты, кажется, с ним знакома?

— Нет. Видела, нейтретерно было знакомится.
— Значит, ты его не знаешь. Он интеллигентный человек, с образованием, на курсах был бухгалтерской.

— Кто на прошлого класса,—не должен с интеллигентной связываться. Потом тебе их корить будет, что ты простая.

— Отчего? Но-первых, мы с ним в драмкружке вместе, и он очень сам простой, а потом его отец смазчик, а мой кондуктор.

— Третий кто?
— Третий... Ирочка, вы ведь с Ленкой подруги, наверно ты ей все рассказываешь.

— Заем кто мне? И, во-первых, не оченно-то мы с нею подруги.
— Видела, который со мною рядом сидел?
— Рыжый?

— Совсем он не рыжый, у него волосы заостренные. Он, знаешь, агент на транспорте. Очень много зарабатывает, семья у них хорошая, Сергей часто бывает. Братья—два студента. И сам он очень интересный, веселый такой. А как за мной ухаживает?

— Ты и решила?
— Нет, я ничего не решила, а то бы тебе не спрашивала.

— Ступай, Дуська, ухаживает за тобой Селькин, ты за него и иди.

— Да ведь он старый!
— Совсем он не старый, зато положительный человек. Непьющий. Зарабатывает хорошо.

— Да, погуляешь, слобарь.

— Он авосьной радик погуляет.

— Он мне предложения не делал.

— Все море знает, что он у тебя влюблен, а ты с ним суровая очень, он и боится.

— Ну, может быть, ты права. Я погуляю.

— Вотай Дуська, шэфф своей перел зеркалка придала.

— Твоя Дуська Маринуна совсем загубила. Пионеры на нее жалобу подали, ее, говорят, из комсомола выкинули.

— Что ты так комсомольские дела знаешь? Не поступаешь ли дураком?

— Нет, я комсомольцами не интересуюсь, мне братина сказал, он пионер. Что ж это, и сведе-де: се преставили к потом, а она пионером рас-пустела, чтобы самой с Соколовым Шуркой по центрам шиться. Шурку поделила, и комсомол ей—хны-мало думала она про ихние постановления.

Томе Шурка хорош: сам—бюро, а как жениться наметил, так деланую из комсомола выкинули. Конечно, кто ему будет штаны стирать, если веса по засадам?... Он засмеялся у я тебе! Пой-дешь в Первомайский сегодня вечером?

— Не знаю.

— Чуть не забыла. Ирка, нуевали, ты не по-кинешь слова, почему вчера ты про слонка спра-шивала?

— А что в них такого? Все ребята при девчках гово-ряют.

Дуська объяснила. Мне нам стало стыдно, но я говорю:

— Напелать, и Оязателью приходи.

Поцеловалась, пудрой меня все выпачкала—и ушла. Наверно, стера, за хрыча не жчет эти. Нуевали на Рыжого?

С чего-то мне агрессирулось. А поцелзайся, ведь, мой день ангела.

VII. День ангела

Тети Поля пириги испькала, сама ходит ив-иничней, а мне все равно, ивмениница я или нет.

Ирочка, лебя спрашивают.

Я вышла в салки: Там Вовка, Павлик, Зойка, еще кто-то, Дуська Маленькая, кажется, со слова Шуркой.

— Кого вам?—спрашивают.
— Нам ивмениницу,—Вска сострил.

— Тогда диверью обшлись, наверное,—звез-звез ивменицине нет.

Повернула на одной ножке и ушла.
А тети Поля уж на стол торпозит накрывать, пириги свои выставляла.

Напрасно старшьясь, мама!
Испугалась старушка, а я со зла отпернулась, чтобы не жалко было.

ЧТО БУДЕТ
в 1940 году?..

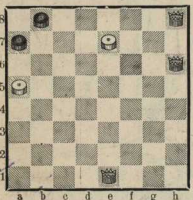
Следите
за ближайшими
№№ „СМЕНИ“

Ш А Ш К И

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

Задача № 3

В. ШУМИЛИН (Краснодар)
Печатается впервые

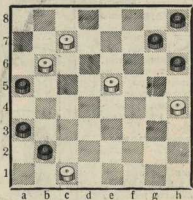

Белые: Д. с1, h6, h8; пр. а5, е7.
Черные: пр. а7, в8.

Белые начинают и запирают простую черных.

Этюд № 5

И. ЧЕРНИКОВ (Москва)
Печатается впервые

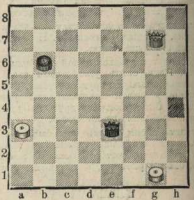

Белые пр. b6, c1, e7, h4.
Черные: пр. а3, а5, b2, g7, h8.

Белые начинают и выигрывают.

Этюд № 6

А. МИШИН (Сергиев)
Печатается впервые

Белые: Д. е3; пр. а3, g1.
Черные: Д. е3; пр. b6.

Белые начинают и выигрывают.

Фамилии товарищей, приславших правильное решение, будут напечатаны

Партия № 7

Москва. Ц. Д. Рабис, квалификационный турнир в 1927 г.

Г. Д. Зубык (Белые)

Л. С. Барген (Черные)

- с3—b4
- b2—c3
- g3—f4

- d6—e5
- b6—a5
-

Зася чаше играют 3. е3—d4, и если h5—g5, то 4. f3—b4; и если далее g7—h6, то получается равная игра и одинаковое расположение шахек. Любопытно заметить, что при этом продолжении возможно получить такую партию: 5. b4—c5, g5—f4; 6. f2—g3, c7—b6; 7. a3—b4, h5—g5; 8. a1—b2, h8—g7; 9. b2—a3, g7—h6; 10. g1—f2, b8 c7; 11. f2—a3, c7—d6; 12. c1—b2, f8—g7;

13. e1—f2, d8—e7 и у белых саперты все 12 шахек! Кто начинал, тот и проиграл!

-
- h2: f4
- c1—b2?

- e5: g3
- f6—g5
-

Возможно, этот ход и погубил белых. Следовало играть 5. b4—c5, и игра была бы приблизительно равна.

-
- c4—b5
-

- c7—b6
-

Нам кажется, что положение белых настолько стеснено, что никакие другие ходы не спасали их партии.

-
- e3: e5
-

- b5: d4
- a5—b4!

- a3: c5
- d5: e7
- c3: e5

Спасся.

- e7—d6
- d5: d4
- e7: e7

РЕШЕНИЯ

Этюд № 2. А. С. Годун

(Бел. Д. g1; пр. d4, e3, e5. Черн. Д. d6, h6; пр. e5, в8. Выигрыш.)
1. c5—d6, h8: a1 (если 1... h8: b2 или c2, то 2. d6—c7; 3. g1: a1 и выигр.; 2. d6—e7; 3. e3—f4; 4. g1: h8 и выигрывают.)

Решения прислали: Н. Миняевский (Ново-Сибирск), А. Кацман (ст. Павлов, Р.-У. ж. д. Н. Богатов (Ново-Сибирск), Л. Рубинштейн (Винниград), Н. Шоломцев (ст. Голицыно, В.-В. ж. д.).

Издательство ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл., 6

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„МОЛОДОСТЬ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛМАНАХ ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

СОДЕРЖАНИЕ: Рингов, Б.—Еголь, роман. Жаров, А.—Стржицки от бессонницы. Юрин, М.—Время, стих. Хвостунов, Г.—Пушкин, стих. Малахов, И.—Елена Зеленина, поэма. Платошкин, М.—Чужая, рассказ. Огурнов, С.—В лунной тишине, стих. Долин, С.—О смерти, стих. Малахов, С.—Письмо с севера, стих. Рахвалов, И.—Прощай, живая, Глава из романа. Кудашев, В.—Фонка Норманвэйский, рассказ. Тихонов В.—Гейбунку, стих. Шолохов, М.—Мягкотелый рассказ, Сельвинский, И.—Записки поэта. Колосов, М.—Барашки, рассказ. Рубинский, И.—О пороке и зигуизме. Шиловский, В.—Борьба за форму. 302 стр. Ц. 2 р. 21 к.

Малашкин, Сергей—Две войны и два мира. Гоман. Кн. 1-я.

Первая из десяти книг романа... — Гоман 1905—1906 г.г., в частности Петербург. Из всех слов общества вербуются новые революционеры и протестанты, и блестящий офицер, и генеральская дочь. Их переплетаются судьбы. Жизнь рабочих, январские события 1905 г., гапоновщина, подпольная работа, быт бюрократии и офицера. Среди прочих действующих лиц выведен Пободонос, П. IV. «Жюжа» Джушина — влюбил эти ок—о том, как наказали барина, жалогого до девки, и как Петрушка участвовал в событиях 1 марта.

269 стр. Ц. 2 р.

Малашкин, Сергей—Записки Аняния Журикина. Повесть. 226 стр. Ц. 1 р., в папке 1 р. 25 к.

Гумилевский, Лев.—Четыре веча: а) на мертвых корабле. Приключенческая, 3 иллюстрации. 152 стр. Ц. 1 р. 28 к., в папке 1 р. 45 к.

Степов, Дмитрий.—Сто тысяч. Повесть и рассказы. (Уж случилось, что в старом вымышленный рабши жизнь мелкому советскому служащему). Иван Иванович (Гасказ опытного шкурника о том, как он от империалистической и гражданской войны бегал). «Ивановы» (Письмо из провинции). «Дем» (История одной расстраты).

199 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Кожеников, А.—Золотая голтыба. Гоман. 412 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Романов, Пандеймон.—Право на жизнь или проблема беспартийности. Со вступительными статьями М. Б. Волынова. Об Останкинских и современной интеллигенции. 168 стр. Ц. 1 р. 10 к., в папке 1 р. 25 к.

Его же.—Непонятное явление. Гасказам.

(Плюристические рассказы: про трамвайную сутолку («Плохой номер»), про гермокопираторов («Честный человек», «Непонятное явление»), про советских бюрократов, («Стена», «Ирские нервы»), про обманителя, ругающих полярников, в которых сами виноваты («Иродово племя», «Хулиганство») и т. п.

125 стр. Ц. 90 к. п.